

Правящие круги России на завершающем этапе Смутного времени

А. П. Павлов

Для цитирования: Павлов А. П. Правящие круги России на завершающем этапе Смутного времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 729–747. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.304>

Статья посвящена изучению положения боярской и придворной элиты и политической борьбы в верхах на завершающем этапе Смутного времени (1613–1619 гг.). В годы Смуты традиционная боярская знать в значительной мере утратила авторитет и влияние в стране. После освобождения Москвы бояре, сидевшие в Кремле в осаде с поляками, были вынуждены удалиться в свои имения. Функции временного правительства по созыву земского собора взяло на себя руководство объединенного земского ополчения во главе с кн. Д. Т. Трубецким и кн. Д. М. Пожарским. Особенностью избирательной борьбы 1613 г. являлось отсутствие на большинстве заседаний земского собора основной части бояр. Только к 21 февраля члены традиционной Боярской думы съехались в Москву и приняли участие в деятельности земского собора. Однако боярская знать не могла сплотиться и выдвинуть единого кандидата на престол. Избрание на царство Михаила Романова произошло без широкой поддержки со стороны боярской знати и дворянства. Решающую роль в деле царского избрания в 1613 г. сыграли выступления казачества и московского простонародья. С воцарением Михаила Федоровича произошло восстановление традиционного положения Боярской думы в государстве, но это не привело к победе старой думской аристократии. Отсутствие корпоративной сплоченности в ее среде, наличие серьезных противоречий между старыми боярами и руководителями земских ополчений способствовали приходу к власти придворной группировки родственников и фаворитов матери царя Михаила во главе с Салтыковыми. В 1613–1619 гг. состав думных и высших придворных чинов интенсивно пополнялся людьми романовского круга. Автор обосновывает вывод о том, что уже в первые годы царствования Михаила Федоровича положение Романовых в правящей боярской среде существенно укрепилось. Это способствовало выходу из политического кризиса Смутного времени.

Ключевые слова: Смутное время, боярская и придворная элита, земский собор, царское избрание, политическая борьба, Михаил Романов, династия Романовых.

The Ruling Circles of Russia in the Final Stage of the Time of Troubles

A. P. Pavlov

For citation: Pavlov A. P. The Ruling Circles of Russia in the Final Stage of the Time of Troubles. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 729–747. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.304>

Андрей Павлович Павлов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.pavlov@spbu.ru

Andrei P. Pavlov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.pavlov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

The article is devoted to the study of the position of the boyars and court elites at the final stage of the Time of Troubles (1613–1619). During the Time of Troubles, the boyars lost their authority and influence in the country. After the liberation of Moscow, the boyars, who had been besieged in the Kremlin with the Poles, were forced to retire to their estates and came to Moscow only by February 21. However, the boyars could not unite and nominate a single candidate for the throne. The election of Mikhail Romanov took place without a solid support by the boyar aristocracy and gentry. The decisive role in the election of Mikhail Romanov to the throne belonged to the Cossacks and common people who supported his candidacy. With the ascension of Tsar Mikhail Fedorovich to the throne, the traditional position of the Boyar Duma was restored, but this did not ensure the victory of the old boyar aristocracy. The lack of corporate unity among the old aristocracy and serious contradictions between the old boyars and the leaders of the “Sovet Vseia Zemli” contributed to the court group of relatives and favorites of the mother of Tsar Mikhail, headed by Saltykov, coming to power. In the years 1613–1619, the Boyar Duma and the ceremonial ranks were intensively replenished by people from the Romanovs’ circle. The author comes to the conclusion that during the first years of the reign of Mikhail Fyodorovich, the position of the Romanovs in the ruling elite was strengthened, which helped to overcome the political crisis of the Time of Troubles.

Keywords: the Time of Troubles, Boyar and court elite, Zemskii Sobor, Tsar election, the political struggle, Mikhail Romanov, Romanov dynasty.

Одним из проявлений Смутного времени был серьезный кризис в правящих верхах. В годы Смуты традиционная боярская знать утратила свою монополию на политическую власть в стране. Не имевшая прочных корней на местах, зависимая от воли и пожалований монарха, знать в условиях ослабления центральной монархической власти и междоусобицы оказалась неспособной сохранить свое политическое господство и контролировать положение на местах. Сотрудничество с польскими оккупационными властями значительной части бояр, членов Думы, окончательно подрывало авторитет боярства в обществе. Боярские политические группировки были серьезно ослаблены в результате политической борьбы конца XVI — начала XVII в. Разгрому подверглись «партии» Романовых, Годуновых, Нагих, Шуйских.

К началу 1613 г. думные чины были у 31 человека. Среди них бояре: кн. Ф. И. Мстиславский, кн. А. П. Куракин (с 1584 г.), кн. И. М. Воротынский (с 1584 г. или 1591/1592 г.), кн. А. В. Трубецкой (с 1598 г.), кн. И. В. Голицын (с 1605 г., при Лжедмитрии I), кн. И. С. Куракин (с 1605 г., при Лжедмитрии I), кн. Д. Т. Трубецкой (при Лжедмитрии II), кн. И. Н. Большой Одоевский (с 1606 г., при Лжедмитрии I), И. Н. Романов (с 1605 г., при Лжедмитрии I), Ф. И. Шереметев (с 1606 г., при Лжедмитрии I), В. П. Морозов (с 6 декабря 1607 г., при Василии Шуйском), кн. Б. М. Лыков (с 1606 г., при Лжедмитрии I), кн. В. И. Бахтеяров-Ростовский (с 2 февраля 1610 г., пожалован при Василии Шуйском после его перехода из Тушино), кн. В. Т. Долгорукый (с 1606/1607 г., при Василии Шуйском), М. М. Годунов (боярин с 1603 г.), А. А. Нагой (боярин с 1605 г., при Лжедмитрии I), М. А. Нагой (с 1605/1606 г., при Лжедмитрии I); окольничие: кн. Г. П. Ромодановский (с 1606 г., при Лжедмитрии I; в 1610/1611 г., «при Литве», был пожалован боярством, но после 1611 г. разжалован в окольничие), кн. И. Д. Хворостинин (боярин с 1603 г.), Н. В. Годунов (боярин с 1598 г.), кн. Д. И. Мезецкой (боярин с 6 декабря 1607 г.), Ф. В. Головин (боярин с 1606/1607 г.), С. В. Головин (боярин с 5 апреля 1610 г.), А. В. Измайлов (боярин

с 2 февраля 1608 г.), С. С. Годунов (боярин с 1598 г.), кн. В. И. Клобуков Мосальский (окольничий с 1606 г., при Лжедмитрии I); думные дворяне — Гавр. Г. Пушкин (сокольничий и думный дворянин с 1605 г., при Лжедмитрии I); думные дьяки: Сыдавный Васильев (с августа-сентября 1610 г.), Федор Дмитриевич Шушерин (1611–1613 гг.).

Видные бояре кн. И. И. Шуйский, кн. В. В. Голицын и М. Б. Шеин томились в польском плену, боярин кн. И. Н. Большой Одоевский пребывал в оккупированном шведами Новгороде. На воеводствах в Сибири оставались отправленные туда еще при Лжедмитрии I боярин М. М. Годунов и окольник С. С. Годунов, первый был воеводой в Тюмени (1606–1615), второй — в Верхотурье (1605/1606–1613/1614)¹. В Астрахани с 1605 по 1613/1614 гг. находился сосланный Лжедмитрием I за службу царю Борису кн. И. Д. Хворостинин (при Борисе Годунове — окольник, при Лжедмитрии II за переход на его сторону стал боярином)².

Из оставшихся 23 членов Думы только 9 человек участвовали в земском освободительном движении (в составе I и II ополчений): пять бояр (кн. Д. Т. Трубецкой, кн. А. П. Куракин, кн. В. Т. Долгорукий, В. П. Морозов, кн. Вл. И. Бахтеяров-Ростовский), два окольных (А. В. Измайлов, С. В. Головин), думный дворянин Гавр. Г. Пушкин, думный дьяк Сыдавный Васильев. Из этих лиц выделяется фигура кн. Д. Т. Трубецкого, который наряду с П. П. Ляпуновым, И. М. Заруцким, кн. Д. М. Пожарским и Кузьмой Мининым входил в число действительных лидеров освободительного движения. Но он получил боярство в Тушино и лишь благодаря своей знатности и заслугам сумел сохранить (в отличие от прочих тушинцев) думный чин после 1613 г. Остальные же думцы, которые участвовали в земском движении, не играли в нем особо заметной роли³. Из представителей первостепенной знати (помимо Д. Т. Трубецкого) среди участников ополчений мы видим лишь боярина кн. А. П. Куракина.

Собственно Боярская дума пребывала в оккупированном поляками Кремле. Среди «кремлевских сидельцев» доминировали представители первостепенных княжеских и виднейших боярских родов: Мстиславский, Воротынский, Куракин, Трубецкой, Голицын, Романов, Шереметев и др. И хотя степень сотрудничества с оккупационными властями разных бояр была различной, в целом бояре, члены Думы, в глазах русского общества все больше ассоциировались с изменниками. После освобождения Москвы, опасаясь расправы со стороны казаков и простонародья, бояре, бывшие «кремлевские сидельцы», были вынуждены удалиться в свои имения. Важной особенностью политической обстановки конца 1612 — начала 1613 г. являлось то, что ввиду отъезда многих дворян после освобождения Москвы

¹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 6, 49, 84, 85, 122, 140, 207, 241–243; Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1909. Кн. III. С. 93, 94; Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850. (далее — ДР). Стб. 154.

² Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 6, 40, 205; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. I. М., 1979. С. 247; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 5-е изд. М., 1995. С. 214; Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 586; ЧОИДР. 1909. Кн. III. С. 74; ДР. Т. I. Стб. 136.

³ См.: Любимиров П. Г. Очерки истории Ножегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 272, 275, 277, 283, 284, 287, 292.

в свои имения доминирующей военной силой в столице становилось «вольное казачество»⁴. В сложившихся условиях функции временного правительства взял на себя «Совет всея земли», правительство объединенного земского ополчения во главе с Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским. Уже в ноябре 1612 г. от имени Трубецкого и Пожарского на места посылались грамоты с предписанием прислать в Москву на собор для избрания царя выборных представителей от разных чинов⁵. Срок явки выборных представителей на собор был намечен на 6 декабря 1612 г. Однако из-за задержки с прибытием делегатов с мест созыв избирательного собора был перенесен на месяц — на Крещение, т. е. на 6 января 1613 г.⁶

Особенностью собора было отсутствие на его заседаниях (вплоть до второй половины февраля) руководства традиционной Боярской думы во главе с «первым» думным боярином кн. Ф. И. Мстиславским и большей части бояр. По свидетельству лифляндского дворянина Г. Брюнно, выехавшего из Москвы в 20-х числах января и 14 февраля дававшего показания в Новгороде Я. Делгарди, главная инициатива выдвижения кандидатов на престол в январе 1613 г. принадлежала казакам⁷. Они предлагали кандидатуры знакомых им по Тушину кн. Д. Т. Трубецкого, «Филаретова сына» Михаила Романова и князя Д. М. Черкасского. «Бояре» отвергли их предложения и высказались за избрание на царский престол шведского принца Карла-Филиппа⁸.

Во многом сходную информацию сообщали в своих показаниях в Новгороде русские купцы, которые также, как и Брюнно, были свидетелями январских событий на Москве. Согласно их показаниям, казаки пожелали возвести на престол Михаила Романова, «но бояре были совершенно против этого и отклонили это на соборе, который недавно был созван в Москве...»; «бояре с другими земскими чинами» пришли к соглашению не выбирать царя из местных бояр, а просить на царство принца из чужеземного королевского рода, а именно шведского принца Карла-Филиппа⁹. О том, что «бояре», участники собора, склонялись в пользу кандидатуры Карла-Филиппа, говорят и другие источники шведского происхождения¹⁰. Следует сделать пояснение, что под термином «бояре» шведские документы понимали не только думных бояр, но и всех служилых людей «по отечеству».

У значительной части дворянских представителей на земском соборе были причины для поддержки кандидатуры шведского принца. Среди дворян — участников собора доминирующие позиции занимали представители западных и юго-западных «служилых городов»¹¹. Как выходцы из районов, оккупирован-

⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 88.

⁵ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 187 и сл.

⁶ Зимин А. А. Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 188.

⁷ Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. III. Воронеж, 1926. Приложения. С. 71–73.

⁸ Там же.

⁹ Арсеньев В. Арсеньевские шведские бумаги. 1611–1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. 5. Новгород, 1911 (далее — Арсеньевские бумаги). С. 21–22.

¹⁰ Там же. С. 22–33.

¹¹ См.: Павлов А. П. К вопросу о характере представительства на Земском соборе 1613 г. // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 446–464 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III).

ных польско-литовскими войсками или бывшими под угрозой оккупации, они были кровно заинтересованы в восстановлении целостности государства и видели пути к этому в заключении антипольского союза с Швецией путем избрания на русский престол шведского принца. Об этих мотивах, склонявших русских дворян («бояр» — по шведской терминологии) к избранию Карла-Филиппа, прямо говорил Г. Брюнно: «... Они (дворяне — участники собора. — А. П.) больше озабочены тем, чтобы получить такого великого князя (какой бы религии он ни был), который мог бы помочь восстановить их стесненное отечество, привести его снова к покою и к единству»¹². Сторонником кандидатуры принца Карла-Филиппа, как убедительно показал Г. А. Замятин, выступал лидер второго ополчения кн. Д. М. Пожарский, который в данном вопросе продолжал прежнюю политическую линию земского ополчения¹³.

Характерно, что костяк возглавляемого Пожарским земского ополчения составляли именно западнорусские дворяне. Возможно, некоторое время к кандидатуре шведского принца склонялся и кн. Д. Т. Трубецкой¹⁴. Однако, согласно сообщению Г. Брюнно, уже на январских заседаниях собора 1613 г. Д. Т. Трубецкой выдвигался как самостоятельная кандидатура на престол¹⁵. Будучи главой временного правительства, первым лицом триумvirата, Трубецкой всеми способами использовал свое положение в борьбе за власть и царский престол. Ярким показателем возросшей власти и влияния Д. Т. Трубецкого явился торжественный акт передачи ему в январе 1613 г. от имени земского собора в наследственное владение богатейшей Важской земли¹⁶. Составители грамоты особо отмечали тот факт, что прежде Вага была пожалована царем Федором Ивановичем правителю Борису Годунову, а после царь Василий пожаловал ее своему брату кн. Д. И. Шуйскому, эти ассоциации должны были подчеркивать значение Д. Т. Трубецкого как претендента на царскую власть.

Согласно утвержденной грамоте 1613 г., на заседании собора 7 февраля 1613 г. его участники «единомысленно» остановили свой выбор на кандидатуре Михаила Романова, отвергнув кандидатуры польского и шведского королевичей и прочих претендентов на царский престол. Но для «большого укрепления» было решено отложить окончательное избрание Михаила на две недели, до 21 февраля, и дожидаться возвращения в Москву бояр кн. Ф. И. Мстиславского «с товарищи», а также «провесть» о настроениях в провинции¹⁷. Версия об одобрении на соборе 7 февраля кандидатуры Романова принята и в исторической литературе¹⁸.

Современная документация рисует, однако, иную картину состояния и деятельности избирательного собора на начало февраля. Так, данная 9 февраля 1613 г. дворянину Ивану Иванову сыну Хрипкову грамота на вотчину за подмосковные службы заканчивалась словами: «А как даст Бог на Московское государство госу-

¹² Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. Приложения. С. 72.

¹³ Там же. С. 10, 33–44, 55.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. Приложения. С. 71–73.

¹⁶ Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. СПб., 2005. Приложения. С. 228–233.

¹⁷ Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 42–44.

¹⁸ См., напр.: Черепнин Л. В. Земские соборы... С. 194.

даря и тогда велит ему государь на ту вотчину дать свою царскую грамоту за красною печатью...»¹⁹ Имя государя в грамоте не указывалось, и, следовательно, вопрос о том, кому должен принадлежать царский престол, оставался открытым и после 7 февраля. В грамоте, данной И. И. Хрипкову, названы следующие чины, принимавшие решение о пожаловании ему вотчины за «московское очищение»: «Московского государства митрополиты и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и весь Освященный собор, и боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской с товарищи, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяня, и дети боярския, и все ратные люди». Документ заканчивался словами: «К сей грамоте боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской велели земскую печать приложить. Писано на Москве лета 7121 февраля в 9 день». То есть грамота была выдана временным земским правительством Трубецкого и Пожарского, но оформлена как соборное решение. Можно предположить, что в перечисленных в грамоте чинах находит определенное отражение и чиновный состав самого избирательного земского собора на начало февраля 1613 г. Интересно отметить, что среди чинов, перечисленных в грамоте, как особый чин отсутствуют бояре; упоминается только один боярин — кн. Д. Т. Трубецкой. Из думных чинов в грамоте 9 февраля 1613 г. указаны лишь окольничие. Подписи думных людей вовсе отсутствуют в упомянутой январской грамоте земского собора о пожаловании Ваги кн. Д. Т. Трубецкому. Таким образом, говорить о сколько-нибудь активном участии Боярской думы в деятельности избирательного собора в январе — начале февраля 1613 г. едва ли приходится. Источники явно свидетельствуют о том, что реальная власть в столице и руководящая роль на соборе в январе — начале февраля принадлежала руководителям земского освободительного движения Д. Т. Трубецкому и Д. М. Пожарскому. И тот и другой не принадлежали к числу сторонников кандидатуры М. Ф. Романова. В данной обстановке об единодушном одобрении на соборе 7 февраля 1613 г. кандидатуры Михаила Романова не могло идти речи.

К 21 февраля в Москву стали съезжаться бояре кн. Ф. И. Мстиславский «с товарищи», а также, видимо, и новые выборные от «городов», которые не успели прибыть к первым заседаниям собора.²⁰ Избирательная кампания вступала в решающую фазу. Яркую картину хода последних заседаний земского собора рисует «Повесть о земском соборе 1613 г.», введенная в научный оборот А. Л. Станиславским и Б. Н. Морозовым²¹. Согласно сообщению «Повести», бояре предложили выбрать царя путем жеребьевки из восьми знатных вельмож²². Казаки же, узнав о боярском решении, которое было принято без совета с ними, заявили боярам: «не по Божий воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго». По Божий же воле подобает «державствовать» Михаилу Романову, отца которого благо-

¹⁹ Полный текст грамоты в копии конца XVIII в. см.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Департамент герольдии. Оп. 51. Д. 247. Родословная книга дворян Московской губернии 1787–1796 гг. Буква Х. Роспись рода Хрипковых. Л. 65.

²⁰ Утверженная грамота... С. 44.

²¹ Морозов Б. Н., Станиславский А. Л. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.

²² В их число входили кн. Ф. И. Мстиславский, кн. И. М. Воротынский, Д. Т. Трубецкой, И. Н. Романов, кн. И. Б. Черкасский, Ф. И. Шереметев, кн. Д. М. Пожарский и кн. П. И. Пронский.

словил на царство умирающий царь Федор Иванович, и только его они желают на царский престол. Когда же один из бояр — Иван Никитич Романов — попытался возразить казакам, что «тот князь Михайло Федорович еще млад и не в полне разуме», они ответили ему: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будиши». Под давлением казаков бояре против своей воли вынуждены были признать государем Михаила Федоровича и целовать ему крест. Свидетельства «Повести о земском соборе 1613 г.» во многих важных деталях совпадают с показаниями других источников, что дает основание заключить о правдоподобности в целом ее рассказа о решающем влиянии казачества в деле избрания на царство Михаила Федоровича и об отсутствии широкой поддержки его избранию со стороны боярской знати. Соответствующим действительности, по-видимому, следует признать сообщение «Повести» о намерении бояр решить вопрос об избрании государя путем жеребьевки. Согласно показаниям, которые давали в Новгороде шведам в 1614 г. плененные русские дворяне И. И. Чепчугов, Н. Е. Пушкин и Ф. Р. Дуров, на одном из заседаний собора высказывалось предложение бросить жребий между тремя кандидатами — кн. Д. Т. Трубецким, кн. Иваном Голицыным и Михаилом Романовым, «кого из них Бог пожелает дать им в государи». Весьма показательно совпадение с «Повестью» рассказа И. Чепчугова и его товарищей о том, что в ответ на аргументацию казаков в пользу избрания Михаила Романова «бояре и думцы, родственники упомянутого Михаила, высказали им некоторые затруднения, а также указали на его молодость... (очевидно, намек на речь И. Н. Романова)»²³.

Можно предположить, что решение о составлении упомянутого в «Повести» списка кандидатов на престол было принято на особом боярском совещании и являлось результатом политического компромисса между членами бывшего боярского правительства в Кремле и земскими «боярами». В обстановке казачьего засилья, когда ни земские власти, ни «старейшие бояре» не вполне контролировали положение дел в столице, боярская знать путем выдвижения на престол одного из представителей своего слоя, вероятно, рассчитывала вернуть свое традиционное главенствующее положение в обществе, которое было утрачено во время Смуты. Видимо, не случайно среди кандидатов от боярской знати отсутствовали имена выдвиженцев от казачества Михаила Романова (особо популярного в казачьей среде) и кн. Д. М. Черкасского.

Однако идея избрания царя из представителей русской знати путем жеребьевки не прошла на земском соборе. Кроме того, если и было достигнуто соглашение между боярами о жеребьевке, это не означало, что отдельные представители боярской знати не вели предвыборную агитацию в свою пользу. Об острой и напряженной борьбе на соборе по поводу избрания царем того или иного кандидата говорят даже официальные романовские источники²⁴. По сравнению с соборной практикой конца XVI в. значительно более заметную роль играли выборные от различных слоев провинциального населения и прежде всего от уездного дворянства. Но различные города и уезды страны были представлены на соборе неравномерно и проявляли разную степень политической активности. Как мы отмечали выше, доминирующие позиции среди дворянских представителей на соборе занимали

²³ Арсеньевские бумаги. С. 30.

²⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. СПб., 1910. С. 129.

дворяне юго-западных уездов, заинтересованные в освобождении своих регионов от польско-литовских интервентов и склонявшиеся вместе с кн. Д. М. Пожарским к поддержке кандидатуры шведского принца. Все это препятствовало скорому и единодушному принятию на соборе политических решений. Видную (если не решающую) роль в деле царского избрания в феврале 1613 г. сыграли выступления (уже за стенами земского собора) казачества и московского простонародья²⁵. Все эти явления были характерны для общественно-политической жизни страны, еще не вышедшей вполне из состояния Смуты.

После избрания на царство Михаила Романова и принятия присяги на верность службы новому царю полномочия временного земского правительства Трубецкого и Пожарского прекратились, и власть (к 26 февраля) перешла к традиционной государевой Боярской думе во главе с ее «первым» боярином Ф. И. Мстиславским²⁶. Тем не менее лидеры земских ополчений продолжали сохранять видное положение в государстве. Между руководством Думы и земскими воеводами наметились серьезные противоречия. Князья Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский пользовались авторитетом и влиянием в армии, среди определенной части дворянства и казачества. И после избрания на престол Михаила Романова сохранялись особые воинские подразделения, подчиненные Трубецкому и Пожарскому. В апреле 1613 г., накануне вступления в Москву царя Михаила, Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский били ему челом о дозволении им и «всем ратным людям», принимавшим участие в освобождении Москвы, участвовать во встрече государя и «видеть царские очи»²⁷.

Популярность Трубецкого и Пожарского в служилой среде (прежде всего среди лиц, участвовавших в земском освободительном движении) обуславливалась наделением щедрыми четвертными денежными окладами²⁸ и широкими земельными раздачами, проводившимися руководством первого и второго ополчений и объединенным «Советом всея земли». Земским правительством в 1612–1613 гг. практиковались переводы поместных земель в вотчины (подобно московским осадным сидельцам при царе Василии Шуйском) в качестве пожалований «за Московское очищение»²⁹. Результаты земельной политики «земских бояр и воевод» не могли не вызывать тревоги со стороны членов Боярской думы и окружения царя Михаила, среди которых преобладали лица, сидевшие на Москве при оккупационной власти, а не участники земских ополчений. Расстановка сил в столице изменилась осенью 1613 г., когда Д. Т. Трубецкой отправился во главе войска

²⁵ Станиславский А. Л. Гражданская война в России... С. 80–92.

²⁶ Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. XXV; Любимов П. Г. Очерки... С. 231–232.

²⁷ ДР. Т. I. Стб. 1208.

²⁸ См.: Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени... С. 42–332; Кормленная книга Костромской чети. 1613–1627 // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. XV, ч. II. СПб., 1894. С. I–XXV, 1–209; Зерцалов А. Н. О ссыльных поместных и денежных четвертных и городских окладах с 1614 по 1619 г. и о большом сыске окладов 1622 г. // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. Отд. 1. С. 1–55.

²⁹ Сведения об этом мы встречаем в земляном списке 1613 г. (ЧОИДР. 1895. Кн. I, отд. I. С. 1, 5, 6, 9, 11, 12, 14, 19), а также в материалах дозоров Нижегородского и Боровского уездов 1613 г. (Действия Нижегородской губернской Ученой архивной комиссии. Т. VI, отд. III. Нижний Новгород, 1905. С. 135, 139, 142, 147; Боровский уезд в XVII веке (материалы дозора 1613 г.) / подг. С. С. Ермолаев. М., 1992. С. 88).

в поход против шведов под Новгородом³⁰. Пользуясь благоприятным моментом, Боярская дума («бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи») 30 ноября 1613 г. приняла приговор, который, в частности, предписывал вотчины, которые были даны «за московское очищенье», переводить в поместья в соответствии с поместными окладами; у тех же, кто вотчинные грамоты «утаит», вотчины подлежали конфискации «бесповоротно»³¹. Постановление 30 ноября 1613 г. о переводе в поместья вотчин, пожалованных «при боярах», последовательно претворялось в жизнь³².

Поход под Новгород, возглавляемый Д. Т. Трубецким, оказался неудачным. Попавшие в плен к шведам в 1614 г. русские дворяне И. И. Чепчугов, Н. А. Пушкин и Ф. Р. Дуров передавали слухи о том, что «бояре и думские советники в Москве, бывшие прежде заодно с поляками и сидевшие вместе с ними в осаде на Москве, послали этого Трубецкого из Москвы больше из ненависти, чем желая сделать хорошее дело, потому что им надоело, что он получил большое уважение у всего народа за осаду и взятие Москвы, поэтому они искали случая и нашли послать его с небольшим войском в такие места, где он мог бы осрамиться»³³. Слухи эти, очевидно, не были совсем беспочвенными.

После неудачного шведского похода Д. Т. Трубецкой служил в Москве. Однако в правительстве царя Михаила Федоровича он не пользовался большим влиянием. Он не упоминается ни в качестве руководителя приказов, ни как участник переговоров с иностранными послами. На некоторое время в тень в придворной жизни уходит и кн. Д. М. Пожарский. После проигрыша 6 декабря 1613 г. известного местного спора с Б. М. Салтыковым имя Пожарского на целых 18 месяцев, вплоть до 14 июня 1615 г., «исчезает» из разрядов и других источников³⁴.

Падение политического влияния лидеров земского движения и переход после избрания Михаила Федоровича правительственных полномочий к традиционной Боярской думе не привели к победе старой думской аристократии, и реальное положение при дворе и в государственном аппарате высокородной знати далеко не соответствовало ее формальному статусу. Лишь почетную роль при дворе играл престарелый и бездетный кн. Ф. И. Мстиславский, остававшийся номинальным главой Боярской думы. Значительную часть времени в первый период царствования Михаила Федоровича (в 1613–1615 и 1618–1619 гг.) провел на воеводстве в Казани, вдали от московской придворной жизни, боярин кн. И. М. Воротынский³⁵. Не был особенно замечен при дворе и в государственном аппарате царя Михаила боярин кн. И. В. Голицын, бывший одним из главных претендентов на царский престол в 1613 г. Боярин кн. И. С. Куракин, в прошлом активный приверженец царя Василия Шуйского, а затем короля Сигизмунда III, в 1615 г. был послан на

³⁰ ДР. Т. I. Стб. 104, 107–109.

³¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 70. С. 82.

³² Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII. Осадный список 1618 г. / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов (далее — Осадный список). М.; Варшава, 2009. С. 24.

³³ Арсеньевские бумаги. С. 32.

³⁴ Эскин Ю. М. «Исчезновение» Пожарского (декабрь 1613 — апрель 1615 г.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Н. Новгород, 2012. С. 55–64.

³⁵ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 86.

воеводство в Тобольск, где находился до 1620 г.³⁶ Почти незаметным на службе при царе Михаиле Федоровиче был престарелый боярин кн. А. В. Трубецкой.

В первые годы царствования Михаила Федоровича сходят со сцены многие старые думцы. После 1613 г. не встречаем сведений о службе престарелого боярина кн. А. П. Куракина³⁷. Вплоть до своей кончины (ум. 7 марта 1616 г.³⁸) оставался в оккупированном шведами Новгороде боярин кн. И. Н. Большой Одоевский. В 1615 г. на воеводстве в Сибири (в Верхотурье) умер окольный С. С. Годунов.³⁹ После его смерти никто из представителей старшей ветви рода Годуновых (к которой принадлежал царь Борис) в Думу уже не входил. В самом начале царствования Михаила Федоровича был убит в Астрахани Заруцким окольный и местный воевода кн. И. Д. Хворостинин (очевидно, осенью 1613 г. или зимой 1613/1614 г.)⁴⁰. Умерли бояре Нагие — Михаил Александрович (до 14 июня 1617 г.)⁴¹ и Андрей Александрович (на воеводстве в Ростове до 4 января 1618.)⁴². После их смерти никто из представителей рода Нагих в Думу в XVII в. уже не входил. В 1615 г. (очевидно, осенью этого года) умер окольный кн. В. И. Клубков-Мосальский⁴³.

Падение положения в государстве старой княжеско-боярской знати, отсутствие корпоративной сплоченности в ее среде, наличие серьезных противоречий между боярами, сидевшими в Кремле при польских оккупантах, и руководителями земских ополчений способствовали приходу к власти новой придворной группировки родственников и фаворитов матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны. Этот придворный клан оказался по существу единственной сплоченной группировкой, способной занять первенствующие позиции при московском дворе в начале царствования Михаила Федоровича. Уже во время похода царя из Костромы к Москве в марте — апреле 1613 г. в его ставке происходило формирование нового правительственного кружка, в котором первенствующее положение заняли племянники Марфы братья Б. М. и М. М. Салтыковы. Молодой стольник Б. М. Салтыков получил важный пост главы вновь образованного в ставке царя Дворцового приказа. Его брат Михаил занял видный придворный пост кравчего⁴⁴. Ко двору были приближены родственник старицы Марфы Ивановны К. И. Михалков и князь Аф. В. Лобанов-Ростовский, также связанный с кланом матери царя⁴⁵. Еще

³⁶ Там же. С. 236.

³⁷ Он умер до 25 июля 1615 г. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987 (далее — Троицкая вкладная). С. 95.

³⁸ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 34.

³⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 4. № 5992. Л. 91 об.; Троицкая вкладная. С. 122; ДР. Т. I. Стб. 154.

⁴⁰ ДР. Т. I. Стб. 136–137; ПСРЛ. Т. 14. С. 134; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Т. 3. СПб., 1836. С. 24, 33.

⁴¹ Троицкая вкладная. С. 70.

⁴² ДР. Т. I. Стб. 310.

⁴³ В 1615/1616 г. он служил воеводой в Суздале (ДР. Т. I. Стб. 240; Барсуков А. П. Списки городовых воевод... С. 219). Других упоминаний о его службах мы не встречаем. Его имя отсутствует в боярской книге 1615 г., составленной около сентября этого года. Очевидно, в начале осени 1615 г. кн. В. И. Клубков-Мосальский и умер.

⁴⁴ Упоминается как кравчий перед окольными и думным дворянином в земляном списке 1613 г. (ЧОИДР. 1895. Кн. I. Отд. I. С. 3).

⁴⁵ Женой кн. А. В. Лобанова была Мария Захарьевна, дочь Захария Ивановича Безобразова (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 495 об.; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг.

до переезда царя Михаила из Костромы в Москву придворную должность чашника получил кн. Аф. В. Лобанов-Ростовский⁴⁶. К. И. Михалков до царского венчания (возможно, еще и во время похода царя Михаила из Костромы в Москву) исполнял обязанности постельничего⁴⁷. После венчания на царство Михаила Федоровича новые царские фавориты еще более укрепили свое положение при дворе. Боярским чином были пожалованы Б. М. Салтыков (6 декабря 1613 г.⁴⁸) и кн. А. В. Лобанов-Ростовский (2 февраля, из чашников⁴⁹). Чином кравчего («с путем») в 1613/1614 г. был пожалован исполнявший и ранее должность кравчего М. М. Салтыков⁵⁰, которому был дан в «путь» город Гороховец⁵¹. В 1613/1614 г. чин постельничего был официально утвержден за К. И. Михалковым⁵².

В знак признания заслуг в деле освобождения Москвы боярством был пожалован кн. Д. М. Пожарский, а чином думного дворянина — К. Минин⁵³. Однако в целом Дума и придворные чины первых лет царствования Михаила Федоровича (1613–1619 гг.) пополнялись преимущественно людьми романовского круга (родственниками Романовых и прежде всего лицами, близкими к клану Марфы Ивановны). Помимо упомянутых выше Б. М. Салтыкова и кн. Аф. В. Лобанова-Ростовского были пожалованы в бояре: кн. И. Б. Черкасский (11 июля 1613 г.)⁵⁴, кн. И. Н. Меньшой Одоевский (6 декабря 1613 г.)⁵⁵, кн. Ю. Я. Сулешев (2 февраля 1615 г.)⁵⁶, кн. А. Ю. Сицкий (25 марта 1615 г.)⁵⁷, кн. И. А. Большой Хованский (14 мар-

---

М., 2010. С. 466–468). На другой представительнице рода Безобразовых — Ирине Кузьминичне Безобразовой (дочери Кузьмы Осиповича Безобразова) — был женат К. И. Михалков (*Щербачев О. В.* О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // *Летопись Историко-родословного общества в Москве* (далее — *Летопись ИРО*). Вып. 3 (47). М., 1995. С. 65.

⁴⁶ В земляном списке 1613 г., работа над которым велась в апреле-мае, он упоминается под рубрикой «Чашники» после кравчего и перед думными дворянами (ЧОИДР. 1895. Кн. I. Отд. I. С. 4).

⁴⁷ Во время церемонии венчания на царство Михаила Федоровича К. И. Михалков как постельничий стелил ковер перед царскими вратами (*Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел* (далее — СГГД). Ч. III. М., 1822. С. 84). 25 апреля 1613 г. К. И. Михалкову вместе с кн. А. В. Лобановым-Ростовским была поручена важная миссия — произвести смотр стольников, стряпчих и жильцов в государевом стане и выявить имена «нетчиков» (ДР. Т. I. Стб. 1147).

⁴⁸ ДР. Т. I. Стб. 120; *Богоявленский С. К.* Приказные судьбы XVII века // *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 40.

⁴⁹ ДР. Т. I. Стб. 170.

⁵⁰ Там же. Стб. 136.

⁵¹ *Назаров В. Д.* Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. // *Советские архивы*. 1969. № 2. С. 100.

⁵² ДР. Т. I. Стб. 132.

⁵³ Там же. Стб. 96, 100.

⁵⁴ Там же. Стб. 96. — Приходился царю Михаилу двоюродным братом по матери. В годы годинуновских гонений разделял тяготы ссылки вместе с Михаилом Федоровичем и его родней.

⁵⁵ ДР. Т. I. Стб. 120. — Через сына Ивана боярин кн. И. Н. Меньшой Одоевский состоял в определенных родственных отношениях с семьей Романовых. И. И. Меньшой Одоевский был женат на дочери боярина Михаила Богдановича Сабурова и его первой жены Марфы Ивановны (дочери Ивана Семеновича Упина) Марии (*Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. I, ч. I. СПб., 1906. С. 79; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 210. Л. 1355). Второй женой М. Б. Сабурова (мачехой Марии Михайловны Одоевской) была Ульяна Семеновна, ур. Погожая (Там же. Кн. 193. Л. 1247–1250; Оп. 4. № 5993. Л. 796 об.–798), которая ранее, в первом браке, была женой боярина Александра Никитича Романова (Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. IV).

⁵⁶ ДР. Т. I. Стб. 170. — Выходец из знатного крымского рода. Был женат на Марфе Михайловне Салтыковой, родной сестре Б. М. и М. М. Салтыковых (Летопись ИРО. Вып. 1–4. М., 1915. С. 310).

⁵⁷ ДР. Т. I. Стб. 174. — Представитель рода, имевшего давние родственные связи с романовской семьей, пострадавшего во время годинуновских гонений на Романовых. Дочь А. Ю. Сицкого Авдотья

та или 2 апреля 1615 г.)⁵⁸, П. П. Меньшой Головин (27 ноября 1615 г.)⁵⁹, кн. Г. П. Ромодановский (25 декабря 1615 г., из окольных)⁶⁰, кн. Д. И. Мезецкой (1 октября 1617 г., из окольных)⁶¹, кн. Д. М. Черкасский (6 января 1619 г.)⁶²; в окольные: кн. Г. К. Волконский (1 сентября 1615 г.)⁶³, А. И. Зюзин (1 октября 1617 г.)⁶⁴, Ф. Л. Бутурлин (1 июня 1619 г.)⁶⁵.

Из близких к семье Романовых лиц (и прежде всего к матери царя) комплектовались высшие придворные чины. Как уже говорилось, важные придворные должности и чины дворецкого, кравчего и постельничего получили близкие родственники Марфы Ивановны — братья Б. М. и М. М. Салтыковы и К. И. Михалков. Придворным чином стряпчего с ключом в 1613/1614 г. был пожалован С. Я. Милуков⁶⁶, приходившийся близким родственником (двоюродным племянником?)

в январе 1619 г. была выдана замуж за комнатного стольника, сородича старицы Марфы Ивановны Глеба Ивановича Морозова (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 204. Л. 265).

⁵⁸ ДР. Т. I. Стб. 170, 176. — Указаны две даты пожалования. Кн. И. А. Хованский и его жена Дарья были каким-то образом связаны с приближенным царя Михаила и Марфы Ивановны Б. И. Морозовым. Человек Б. И. Морозова в 1638 г. платил деньги за вдове И. А. Хованского княгиню Дарью (РГАДА. Ф. 137. Галич. № 4. Л. 121).

⁵⁹ ДР. Т. I. Стб. 206. — Родная тетка П. П. Меньшого Головина Анастасия Петровна Головина была женой кн. А. Б. Горбатого-Суздальского, а их дочь Евдокия была женой Н. Р. Юрьева и матерью Ф. Н. Романова.

⁶⁰ ДР. Т. I. Стб. 208. — Был приближен ко двору. В 1616–1618 гг. в руках Г. П. Ромодановского было сосредоточено управление Владимирской, Галицкой, Костромской и Новгородской четвертями (приказами) (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. С. 56, 59, 93, 104). Возможно, кн. Г. П. Ромодановский был близок к боярину Ф. И. Шереметеву, под началом которого в период польской оккупации Москвы служил на Казенном дворе (*Любимов И. Г.* Очерки... С. 197, 292). Близким человеком при дворе был племянник Г. П. Ромодановского И. И. Ромодановский, женатый (с 1618/1619 г.) на дочери боярина П. П. Меньшого Головина, родственника Романовых (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 608. Л. 447 об.).

⁶¹ ДР. Т. I. Стб. 299. — Приходился свояком одному из руководителей правительства первых лет царствования Михаила Романова кн. А. В. Лобанову-Ростовскому (РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. № 32. Л. 138–152). Мезецкой был женат на дочери Андрея Васильевича Безобразова Степаниде (Матрене) Андреевне (Известия Русского генеалогического общества (далее — ИРГО). Вып. II. СПб., 1903. С. 80, 81; РГАДА. Ф. 233. Кн. 661. Л. 54 об.), а женой А. В. Лобанова была Мария Захарьевна, дочь Захария Ивановича Безобразова (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 300, 466–468; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 495 об.); последний приходился Ан. В. Безобразову двоюродным племянником (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 44).

⁶² ДР. Т. I. Стб. 385. — Представитель связанного родством с Романовыми рода князей Черкасских. Сестра Д. М. Черкасского Мария Мамстрюковна была первой женой кн. Ю. Я. Сулешева, который второй раз женился на сестре Б. М. и М. М. Салтыковых Марфе Михайловне Салтыковой (РИБ. СПб., 1908. Т. XXII. Стб. 62; Летопись ИРО. Вып. 1–4. М., 1915. С. 310).

⁶³ ДР. Т. I. Стб. 197. — Пользовался, очевидно, расположением матери царя Михаила. В 1620 г. окольный кн. Г. К. Волконский «приказывал» во Дворце пожалования «государыниным» (Марфы Ивановны) словом (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 205. Л. 481).

⁶⁴ ДР. Т. I. Стб. 299. — Был пожалован в окольные за участие (вместе с кн. Д. И. Мезецким) в переговорах со шведскими послами о мире, завершившихся заключением Столбовского мирного договора. После смерти А. И. Зюзина его вдова Федора Григорьевна в августе 1620 г. «сговорила» свою дочь Елену Алексеевну за боярина кн. Д. М. Черкасского (ИРГО. Вып. III, отд. II. СПб., 1909. С. 1). Жена сына А. И. Зюзина Никиты Алексеевича Зюзина Мария состояла в первом браке с Исаком Семеновичем Погожим (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. № 5993. Л. 791 об.), близким к семье Романовых.

⁶⁵ ДР. Т. I. Стб. 392. — Пользовался, очевидно, расположением со стороны матери царя Михаила, старицы Марфы Ивановны. 28 апреля 1619 г. Марфа пожаловала сына Ф. Л. Бутурлина Тимофея из своих хором сафьяном и сукном (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 204. Л. 582 об.).

⁶⁶ ДР. Т. I. Стб. 132.

матери царя⁶⁷, а затем стряпчим с ключом становится И.И.Чемоданов⁶⁸, также близкий к клану Марфы Ивановны⁶⁹. К кругу приближенных молодого царя Михаила и его матери принадлежали казначей Н.В.Траханиотов, пожалованный этим чином 13 июля 1613 г.⁷⁰, и братья Лев и Иван Афанасьевичи Плещеевы, вошедшие в начале царствования Михаила Федоровича в «комнату» и получившие важные придворные чины помощника кравчего и чашника⁷¹. Родственными и личными связями с романовской семьей обуславливалось формирование состава ближних, «комнатных» людей — спальников (комнатных стольников и стряпчих), в числе которых значились: Б.И. и Г.И.Морозовы, С.Я.Милюков, Л.А. и И.А.Плещеевы, В.И.Стрешнев, Ф.М.Толочанов. кн. Ф.А.Сицкий, кн. И.Ф.Троекуров, кн. И.А.Голыцын и, вероятно, кн. Б.Ф.Долгоруков⁷².

В родственных и клановых связях с новой династией состояло немало старых думцев: родной дядя царя Михаила боярин И.Н.Романов, боярин Ф.И.Шереметев⁷³, боярин кн. Б.М.Лыков⁷⁴, кн. В.И.Бахтеяров-Ростовский⁷⁵. Родственными

---

⁶⁷ Матерью С.Я.Милюкова была Мария Петровна ур. Шестова (дочь Петра Шестова и его супруги Анны), бывшая замужем за Яковом Васильевичем Милюковым (РНБ. ОР. Собр. Эрмитажное. № 520. Л. 449 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10965. Л. 1308 и сл.). Деда С.Я.Милюкова Петра Шестова, по всей видимости, можно отождествить с Петром Васильевичем Шестовым, который являлся родным братом Ивана Васильевича Шестова, отца Ксении (старицы Марфы) Шестовой и деда царя Михаила Федоровича.

⁶⁸ ДР. Т. I. Стб. 132.

⁶⁹ Наряду с регулярными пожалованиями из казны по государеву именному приказу И.И.Чемоданов был жалован и по именному приказу старицы Марфы Ивановны (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 280. Л. 222). В 1619 и 1622 гг. во Дворце приказывал «государыниным словом» пожалования разным лицам (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 204. Л. 444 об.; № 632. Л. 16).

⁷⁰ ДР. Т. I. Стб. 100. — О расположении к нему при дворе может свидетельствовать тот факт, что еще до официального пожалования он исполнял обязанности казначея и в этом качестве принимал видное участие в церемонии венчания на царство Михаила Федоровича 11 июля 1613 г. (СГГД. Ч. III. С. 70, 71 и др.). Двоюродный брат Н.В.Траханиотова — Тихон Иванович Траханиотов — был женат на дочери Семена Ивановича Сабурова Екатерине, двоюродная сестра которой Аграфена, дочь Елизара Ивановича Сабурова, была матерью Бориса и Глеба Ивановичей Морозовых (ИРГО. Вып. I. СПб., 1900. С. 90–95).

⁷¹ 9 апреля 1615 г. Лев Афанасьевич был пожалован чином второго («другого») кравчего, помощника кравчего «с путем» М.М.Салтыкова («велел государь быть у себя государя в чину другому крайчому с Михайлом Михайловичем Салтыковым Льву Офонасьеву сыну Плещееву»), а его брат Иван — чином чашника (ДР. Т. I. Стб. 176). Братья вошли в круг ближних, «комнатных» людей уже в первые месяцы царствования Михаила Федоровича. И.А.Плещеев упоминается в числе спальников с января 1614 г. (РИБ. Т. IX. СПб., 1884. С. 226). Вероятно, в начале царствования Михаила Федоровича в «комнату» входил и старший брат И.А.Плещеева, стольник Лев Афанасьевич Плещеев. Еще 11 июля 1613 г. (до своего официального назначения в качестве второго кравчего) на пиру, устроенном по случаю венчания Михаила Федоровича на царство, Л.А.Плещеев вместе с М.М.Салтыковым «у стола стояли [в кравчих]» (ДР. Т. I. Стб. 100). Сын Л.А.Плещеева Андрей Львович являлся стольником (близким человеком) государыни старицы Марфы Ивановны (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 204. Л. 326).

⁷² О ближних, комнатных людях царя Михаила Федоровича и их родственных связях подробнее см.: Павлов А. П. Комнатные стольники царя Михаила Романова // *Времена и судьбы*. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 73–96.

⁷³ Был женат вторым браком на Ирине Борисовне, дочери боярина кн. Б.К.Черкасского и Марфы Никитичны Романовой, тетки царя Михаила (РИБ. СПб., Т. XXII. 1908. Стб. 61).

⁷⁴ Был женат на Анастасии Никитичне Романовой-Юрьевой, тетке царя Михаила (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I, ч. 2. СПб., 1906. С. 489–490).

⁷⁵ О его близости к семье Романовых может свидетельствовать запись в кормовой книге Московского Новоспасского монастыря, родовой усыпальницы Романовых, о корме (29 июля) на по-

узами с домом Романовых были связаны представители рода Головиных — окольничие Ф. В. и С. В. Головины⁷⁶. В родстве с братьями Б. М. и М. М. Салтыковыми и матерью царя Михаила через свою жену кн. Марию Васильевну Барбашину состоял боярин кн. В. Т. Долгорукий⁷⁷. Близким ко двору человеком был сородич матери царя боярин В. П. Морозов⁷⁸.

Правительству Михаила Федоровича удалось привлечь на службу новой династии видных представителей приказной «бюрократии» Смутного времени, независимо от их политического прошлого (служба царю Василию и в Тушинском лагере, в оккупированном Кремле и в земских ополчениях). Одним из столпов правительства начала царствования Михаила Федоровича наряду с братьями Салтыковыми и кн. А. В. Лобановым-Ростовским, по свидетельствам современников, был думный дьяк Посольского приказа Петр Алексеевич Третьяков⁷⁹. Продолжал сохранять свой пост главы Разрядного приказа и чин думного дьяка после воцарения Михаила Федоровича Семен Сыдавный Васильев, который был думным разрядным дьяком в I и II ополчениях и соединенном ополчении Трубецкого и Пожарского⁸⁰. Свидетельство о видном положении дьяков Сыдавного Васильева наряду с дьяком Петром Третьяковым в правительстве Михаила Романова содержится в показаниях Н. Калитина, которые он давал в Новгороде шведам в феврале 1614 г.⁸¹ Расположением правительства Михаила Федоровича пользовался думный дьяк и глава Поместного приказа Николай Никитич Новокщенин (с 1617 г.)⁸², активно привлекавшийся к участию в дипломатических переговорах⁸³. Приказ Казанского

минование жены боярина кн. В. И. Бахтеярова княгини Анастасии, в иночестве схимницы Александры (Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. С. 24). В мае 1600 г. он попал в опалу, вероятно, в связи с начавшимися годуновскими гонениями на Романовых (Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 73–74). Как близкий к Романовым человек В. И. Бахтеяров был послан в марте 1613 г. в составе делегации от земского собора в Кострому — для уговоров избранного царя Михаила Федоровича принять царство (ДР. Т. I. Стб. 17, 24, 30, 67, 1073, 1078, 1170).

⁷⁶ Матерью второй жены Н. Р. Юрьева Евдокии Александровны, от брака с которой родились отец царя Михаила Ф. Н. Романов и его братья, была Анастасия Петровна Головина (жена боярина кн. А. Б. Горбатого-Суздальского). Головины были близки ко двору матери царя Михаила. В 1624 г. старица Марфа Ивановна определила в боярыни к царице Марии Владимировне Долгорукой Марию Юрьевну Головину (вдову Петра Головина?), которая, очевидно, служила до того боярыней у самой Марфы Ивановны (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. II. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 389).

⁷⁷ Щербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым. С. 65.

⁷⁸ В. П. Морозов сыграл видную роль в деле избрания на царство Михаила Романова (Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 340; Замятин Г. А. К истории земского собора 1613 г. С. 55, 58) и являлся одним из главных действующих лиц во время церемонии венчания Михаила Федоровича на царство (СГГД. Ч. III. С. 71–72; ДР. Т. I. Стб. 97–98).

⁷⁹ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб., 1993. С. 129–130; Вестник Европы. 1868. Август. С. 803–806.

⁸⁰ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 591.

⁸¹ Арсеньевские бумаги. С. 28.

⁸² Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. С. 125; Лисейцев Д. В. Приказная система... С. 677; ЧОИДР. 1910. Кн. IV. С. 6.

⁸³ ДР. Т. I. Стб. 161, 204, 206, 225, 271, 272, 288, 299.

дворца в 1613–1614/1615 гг. возглавлял Алексей Захарьевич Шапилов, получивший (к 18 августа 1613 г.) чин думного дьяка⁸⁴ и приближенный ко двору⁸⁵.

Мы видим, таким образом, что уже в первый период царствования Михаила Федоровича (к возвращению Филарета) происходит значительное укрепление положения новой династии в правящей среде. Решительное преобладание в Думе получили лица, связанные родством и клановыми узами с царской семьей. Заново, из родственников и приближенных семьи Романовых (в основном из приближенных к клану матери царя Михаила), комплектовался состав высших придворных должностей и «комнатных людей» — спальников. Политические позиции династии Романовых упрочились настолько, что уже не борьба с княжеско-боярской оппозицией, а скорее соперничество между различными кланами царской родни за первенство при дворе стало составлять основное содержание придворной жизни.

Главенствующее положение при дворе заняла группировка родственников и фаворитов матери царя во главе с братьями Б. М. и М. М. Салтыковыми, которой удалось оттеснить от власти не только первостепенную княжеско-боярскую знать и земских воевод, но и дядю царя И. Н. Романова и других бояр, связанных родством и старинными клановыми узами с домом Романовых. Положение дел в правительственных сферах Русского государства начала царствования Михаила Федоровича достаточно четко и ярко описывается в показаниях русских дворян И. И. Чепчугова, Н. Е. Пушкина и Ф. Р. Дурова, попавших в плен к шведам в 1614 г.: «...Хотя бояре и думские советники сохраняют свое прежнее звание и ежегодно заседают в Думе, но они ничего не должны делать, обсуждать или решать, на что не согласен Борис Салтыков, сын одноглазого Михайлы Салтыкова (окольничего М. М. Кривого Салтыкова, ум. в 1608 г. — *Авт.*); не дяде великого князя Ивану Никитичу Романову, но этому вышеупомянутому Борису Салтыкову принадлежат высшие совет и власть, не по его званию, но потому, что он родственник старой монахини, матери теперешнего великого князя, и она ему предоставляет это»⁸⁶. Сходную картину рисуют и другие очевидцы. Согласно показаниям М. Клементьева, новгородского дворянина, перешедшего в 1616 г. на сторону шведов, «Русское государство управляется не знатными государственными сословиями, как прежде было принято... главные среди них оба брата Борис и Михаил Салтыковы, затем князь Афанасий Лобанов-Ростовский и их именитый канцлер или дьяк Петр Третьяков имеют власть в своих руках... не только знатным сословиям, но и его (царя) живому дяде Ивану Никитичу Романову не доверяют советовать, что сверх того все, что великий князь со своей матерью заставили членов Думы решать меж собой, это они будут беспрекословно выполнять...»⁸⁷ Голландский

⁸⁴ Лисейцев Д. В. Приказная система... С. 499, 632–633, 669. — Алексей Шапилов упоминается как думный дьяк приказа Казанского дворца еще в феврале — мае 1615 г. (РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 14), хотя 29 марта 1615 (7123) г. приказ возглавлял уже боярин кн. А. Ю. Сицкий (*Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. С. 76.*)

⁸⁵ В 1613/1614 г. вместе с приближенными ко двору лицами (боярином В. П. Морозовым и кравчим М. М. Салтыковым) он получил долю из «рухляди» погибшего в Смуту боярина Б. Я. Бельского (РИБ. Т. IX. СПб., 1884. С. 281). Известно, что А. З. Шапилов был женат на Ирине Ивановне (ур. Михалковой), сестре Алая (Артамона) Ивановича Михалкова, сородича постельничего К. И. Михалкова (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 572; Троицкая вкладная. С. 65.*)

⁸⁶ Арсеньевские бумаги. С. 32.

⁸⁷ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева. С. 129–130.

купец и дипломат Исаак Масса в своем послании из Архангельска к Генеральным штатам 1614 г., описывая положение дел при дворе царя Михаила Федоровича, указывает, что «все князья, его кровные (имеются в виду дядя царя Иван Никитич и лица, имевшие давние родственные связи с Романовыми. — *Авт.*) имеют мало власти»; «все приближенные царя — несведующие юноши (здесь явно подразумеваются Салтыковы и другие фавориты матери царя Михаила. — *Авт.*)», которые вместе с ловкими и алчными приказными «грабят и разоряют народ»⁸⁸. Вернувшиеся весной 1615 г. из Москвы в Новгород новгородские послы, перечислив имена думных бояр («главных царских советников»), отметили, что «главная сила и фавор (находились) у Бориса Михайловича Салтыкова, любимца царской матери»⁸⁹. Господствующее положение при дворе и в государственном аппарате новых царских фаворитов ярко проявлялось в том, что в их руках сосредоточилось управление важнейшими приказами, обеспечивавшими жизнедеятельность двора и военную власть в столице. На протяжении 1613–1623 гг. Б. М. Салтыков возглавлял деятельность приказа Большого дворца, М. М. Салтыков стоял во главе Оружейной палаты, Серебряной палаты и Аптекарского приказа, кн. А. В. Лобанов-Ростовский — Стрелецкого и Панского (Иноземского) приказов⁹⁰. Все эти ведомства традиционно возглавлялись первыми, особо приближенными к государю лицами. Вместе с тем после воцарения Михаила Федоровича какого-либо участия И. Н. Романова в делах административного управления не прослеживается; не видим его у руководства ни одним из приказов⁹¹. Не наблюдаем видной роли при дворе и в правительственных делах в первые годы нового царствования и других бояр старого романовского круга (за исключением, пожалуй, лишь бояр Ф. И. Шереметева и кн. А. Ю. Сицкого, а также сына последнего). Лишь один раз упоминается в качестве приказного судьи боярин кн. Б. М. Лыков⁹², не упоминается он среди участников переговоров с иностранными послами. Кн. В. И. Бахтеяров-Ростовский основную часть своей службы при новом монархе пробыл на воеводстве в Нижнем Новгороде, куда был отправлен летом 1613 г. и где находился до августа 1616 г., а вскоре по возвращении в Москву в конце того же 1616 г. умер⁹³. На вторых ролях в правительстве, где главенствующие позиции занимали Салтыковы и их сторонники, оставался кн. И. Б. Черкасский, несмотря на свою близость к семье Романовых.

Занявшая первенство при дворе придворная группировка Салтыковых, подерживаемая матерью царя, усилилась настолько, что ее представители могли бесконтрольно злоупотреблять своим положением. Наиболее ярким примером этому

⁸⁸ Вестник Европы. 1868. Январь. С. 234, 236.

⁸⁹ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 10. С. 204.

⁹⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи... С. 37, 40, 41, 106, 110, 155, 161; *Лисейцев Д. В.* Приказная система... С. 663, 665, 674, 681, 682.

⁹¹ Как мы видели, И. Н. Романов занимал на земском соборе 1613 г. двусмысленную позицию по поводу избрания на царство своего племянника. Возможно, он сам претендовал на престол (см.: *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 34).

⁹² В феврале 1619 г. стоял во главе Разбойного приказа (ДР. Т. I. Стб. 386; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. С. 140).

⁹³ *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 149; ИРГО. Вып. III. С. 244; Троицкая вкладная. С. 56.

явилась интрига Салтыковых по расстройству свадьбы царя с Марией Хлоповой в 1616 г.⁹⁴ Известны злоупотребления властью и других деятелей тогдашнего правительства. Так, используя свое высокое положение при дворе, боярин кн. А. В. Лобанов-Ростовский содействовал своему сородичу кн. Б. В. Касаткину-Ростовскому в его местническом споре с кн. В. И. Турениным⁹⁵ и своему сородичу кн. М. М. Темкину-Ростовскому в незаконном получении земельных владений в Ростовском уезде⁹⁶. Источники упоминают о злоупотреблениях своим положением и одного из «столпов» правительства начала царствования Михаила Романова, думного дьяка Петра Третьякова⁹⁷. Есть известие о злоупотреблениях другого видного дьяка — Сыдавного Васильева, который в 1618 г. в споре В. А. Третьякова-Головина с кн. Ю. П. Буйновым-Ростовским явно потворствовал последнему и вершил дело без государева указа и «боярского приговора»⁹⁸. В плане злоупотребления властью правление Салтыковых стало нарицательным⁹⁹.

Всевластие Марфы Ивановны и ее родни, злоупотребления властью вызывали широкое недовольство в различных слоях общества: от бояр (включая и определенную часть бояр романовского круга) до простонародья. Неприязненное отношение к матери царя и Салтыковым со стороны широкого общественного мнения нашло отражение в литературных произведениях неофициального происхождения и многочисленных следственных материалах о «слове и деле государевом». Особенно живо и широко обсуждались семейные дела государя, и прежде всего события, связанные с отставкой М. Хлоповой¹⁰⁰. При этом царская невеста вызывала, как правило, сочувственное отношение, тогда как матери царя отводилась самая негативная роль в истории несостоявшейся женитьбы Михаила.

Столкнувшись с широким недовольством своей властью в обществе и при дворе, группировка Марфы и Салтыковых предпринимала меры по укреплению своего положения. Так, еще до возвращения Филарета правительство пошло на создание нового Сысского приказа во главе с кн. И. Б. Черкасским, ведавшего разбирательством челобитных от населения на «сильных людей»¹⁰¹. Но восстановить пошатнувшийся авторитет правительства Салтыковых было чрезвычайно труд-

---

⁹⁴ Подробнее см.: Павлов А. П. Из истории придворной борьбы в царствование Михаила Федоровича («Дело Хлоповой») // Русские древности: к 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 342–351. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6).

⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 18.

⁹⁶ «А те, государь, села Никольское да село Сулось вылгал он, князь Михайла (Темкин), по своему времени, что ему, князь Михайлу, был боярин князь Офонасей Васильевич Лобанов-Ростовской свой, и те села даны ему, князю Михайлу, по ево ложному челобитью и по промыслу боярина князя Офонася Васильевича Лобанова» (Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. Приложения. С. 209; см. также с. 194, 198, 208).

⁹⁷ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1. М., 2003. С. 117.

⁹⁸ ДР. Т. I. Стб. 515–517.

⁹⁹ Так, в 1632 г. в своей сказке о вотчинах и поместьях кн. Б. Ф. Долгорукий указывал: «Поместья за мной в Орземасе 100 чети, и то разорено от князя Ивана князь Иванова сына Ромадановского при Солтыковых...» (Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 37–38).

¹⁰⁰ Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 87–117.

¹⁰¹ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 233–234. (Жизнь замечательных людей. Сер. биограф. Вып. 889).

но. К моменту возвращения в Москву Филарета страна находилась в состоянии политического кризиса.

Вместе с тем нельзя не признать и того факта, что в первые годы царствования Михаила Федоровича происходит существенное укрепление положения Романовых в правящей боярской среде, и новой династии удалось без помощи опал и репрессий подчинить своей власти боярскую элиту. Установившиеся в этот период новые принципы взаимоотношений в правящих кругах, в основе которых лежали не только и не столько происхождение и политическое прошлое, сколько клановые придворные связи, получают свое дальнейшее развитие на протяжении всего XVII в.

References

- Bakhrushin S. V. Politicheskie tolki v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha. Bakhrushin S. V. *Trudy po istochnikovovedeniiu, istoriografii i istorii Rossii èpokhi feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 87–117. (In Russian)
- Barsukov A. P. *Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniia Moskovskogo gosudarstva XVII stoletii*. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1902, pp. I–IX, 1–611. (In Russian)
- Bogoiavlenskii S. K. Prikaznye sud'i XVII veka. *Bogoiavlenskii S. K. Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 31–308. (In Russian)
- Cherepnin L. V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1978, 418 p. (In Russian)
- Eskin Iu. M. "Ischeznovenie" Pozharskogo (dekabr' 1613 — april' 1615 gg.). *Tvortsy i geroi. Istochniki i issledovaniia po nizhegorodskoi istorii*. N. Novgorod, Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti Publ., 2012, pp. 55–64. (In Russian)
- Forsten G. V. Politika Shvetsii v Smutnoe vremia. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1889, October, pp. 185–213. (In Russian)
- Kovalenko G. M. Soobshchenie M. Klement'eva (Russkoe gosudarstvo posle Smuty glazami novgorodskogo dvorianina). *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. St. Petersburg; Novgorod, [s. n.], 1993, iss. 4 (14), pp. 128–131. (In Russian)
- Kozliakov V. N. *Mikhail Fedorovich*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 347 p. (In Russian)
- Lavrent'ev A. V. *Liudi i veshchi. Pamiatniki russkoi istorii i kul'tury XVI–XVIII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy*. Moscow, Arkheograficheskii Tsentri Publ., 1997, 254 p. (In Russian)
- Liseitsev D. V. *Posolskii prikaz v epokhu Smuty*. Part 1. Moscow, Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2003, 268 p. (In Russian)
- Liseitsev D. V. *Prikaznaia sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty*. Moscow; Tula, Grif i K. Publ., 2009, 792 p. (In Russian)
- Liubomirov P. G. *Ocherki istorii Nizhegorodskogo opolcheniia 1611–1613 gg.* Reissue. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939, 343 p. (In Russian)
- Nazarov V. D. Iz istorii gosudarstvennogo apparata Rossii v kontse XVI — nachale XVII v. *Sovetskie arkhivy*, 1969, no. 2, pp. 96–102. (In Russian)
- Pavlov A. P. *Gosudarev dvor i politicheskaia bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 280 p. (In Russian)
- Pavlov A. P. Iz istorii pridvornoï bor'by v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha ("Delo Khlopovoi"). *Russkie drevnosti. K 75-letiiu professora I. Ia. Froianova*. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State University, 2011, pp. 342–351 (Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 6). (In Russian)
- Pavlov A. P. K voprosu o kharaktere predstavitel'stva na Zemskom sobore 1613 g. Vol. III. *Kafedra istorii Rossii i sovremennaia otechestvennaia istoricheskaia nauka*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2012, pp. 446–464 (Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka. Vol. III). (In Russian)
- Pavlov A. P. Komnatnye stol'niki tsaria Mikhaila Romanova. *Vremena i sud'by. Sbornik statei v chest' 75-letiiu Viktora Moiseevicha Paneiakha*. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2006, pp. 73–96. (In Russian)
- Platonov S. F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* 5th ed. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1995, 470 p. (In Russian)

- Shcherbachev O. V. O rodstve Saltykovykh s Mikhailom Fedorovichem Romanovym. *Letopis' Istoriko-Rodoslavnogo obshchestva v Moskve*. Iss. 3 (47). Moscow, "Éntsiklopediia rossiiskikh dereven' " Publ., 1995, pp. 62–67. (In Russian)
- Stanislavskii A. L. *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 272 p. (In Russian)
- Stashevskii E. D. *Zemlevladienie moskovskogo dvorianstva v pervoi polovine XVII veka*. Moscow, Pechatnia S. P. Iakovleva, 1911, 237 p. (In Russian)
- Strelnikov S. V. *Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV — pervoi treti XVII veka*. Moscow; St. Petersburg, "Al'ians-Arkheo" Publ., 2009, 360 p. (In Russian)
- Tiumentsev I. O. *Smutnoe vremia v Rossii nachala XVII stoletii: dvizhenie Lzhedmitriia II*. Moscow, Nauka Publ., 2008, 686 p. (In Russian)
- Veselovskii S. B. *D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 608 p. (In Russian)
- Vlashev G. A. *Potomstvo Riurika*. Vol. 1. In 2 Parts. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vilborg, 1906; part 1 — pp. I–VI, 1–667, tabulars; part 2 — pp. I–III, 1–535, tabulars. (In Russian)
- Zabelin I. E. *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st*. Vol. II. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII st. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001, 792 p. (In Russian).
- Zabelin I. E. *Minin i Pozharskii. Priamyie i krivye v Smutnoe vremia*. St. Petersburg, Russkaia simfoniia Publ., 2005, 272 p. (In Russian).
- Zamiatin G. A. K istorii zemskogo sobora 1613 g. *Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. III. Voronezh, Voronezh State University Press, 1926, pp. 1–74. (In Russian)
- Zertsalov A. N. O syssnykh pomestnykh i denezhnykh chetvertnykh i gorodovykh okladakh s 1614 po 1619 g. i o bol'shom syse okladov 1622 g. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Kniga 2, Otdelenie 1. Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1900, pp. 1–55. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2017 г.
Рекомендована в печать 31 мая 2018 г.